

ПОНЯТИЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ФИЛОСОФИИ Х. АРЕНДТ

Наиболее показательным примером рассмотрения проблемы ответственности человека за совершенные им поступки является судебное разбирательство над нацистским преступником Адольфом Эйхманом. Арендт присутствовала на данном суде в качестве журналиста журнала *The New Yorker*, её целью был тщательный анализ происходящих событий и их объективная оценка, что в дальнейшем вылилось в книгу «Банальность зла: Эйхман в Иерусалиме». Данная работа вызвала бурю негодования со стороны общества, от Арендт отвернулись многие друзья, последовали обвинения в антисемитизме, бессердечии и стремлении «обелить» Эйхмана и уменьшить его вину, что, разумеется, было в корне неверным: за пособничество фашистским преступникам было принято стремление к объективности и неприятие театральности судебного процесса, чему порой способствовал государственный обвинитель. В дальнейшем же Арендт говорила, что «большая часть полемики развернулась вокруг книги, которую я никогда не писала» [1, с. 47], что породило необходимость в разъяснении многих моментов её книги.

Причину непонимания и неприятия данной работы она видит прежде всего в широко распространённой боязни суждения в современном обществе. Человек, даже будучи образованным, свободным в собственном мышлении, не допускает возможности обвинения конкретных лиц во вполне определенных действиях, проще «сетовать на исторические закономерности или диалектические движения, короче говоря, на некую загадочную неизбежность, действующую за спинами людей и наделяющую все их поступки неким глубинным смыслом» [1, с. 50]. Из этого вытекает, что «за неготовностью судить скрывается подозрение, что никто не действует свободно и что, следовательно, никто не несет ответственность за свои поступки» [1, с. 50].

Таким образом, тема ответственности всплывает не только связи с прошедшими событиями Второй мировой войны, которые потрясают своей жестокостью, но и в современном ей обществе, где данный вопрос

тесно переплетается с общими моральными проблемами. Нежелание признавать вину конкретных людей связано с нежеланием признавать ответственными их, а в дальнейшем и себя за определенные поступки.

В работе же «Банальность зла: Эйхман в Иерусалиме» Арндт акцентирует внимание на непризнании Эйхмана своей вины и ответственности за содеянное. Ведь, по его словам, он не только повиновался приказам, он повиновался закону, соответственно, нельзя говорить ни о юридической, ни о моральной ответственности, на чем настаивал и его адвокат, доктор Сервачиус, для которого умерщвление газом было «медицинской процедурой», к которой его подзащитный не имел никакого отношения [2, с. 113], и который регулярно подчеркивал тот факт, что Эйхман совершал «акт государственной власти» [2, с. 368].

Сам Эйхман постоянно акцентировал внимание на том, что он не испытывал неприязни к евреям, никогда лично никого не убивал, в общем, не был жестоким человеком, да и выглядел он совершенно незначительно и бесцветно, что сперва и поразило Арндт: ужасный преступник был простужен, ничего чудовищного в нем не было, в кабине из пуленепробиваемого стекла сидел невероятно заурядный человек. И утверждал он, что его вина заключается лишь в том, что для него является достоинством – в повиновении законам. «Его достоинством злоупотребили нацистские лидеры. Но он не принадлежал к правящей клике, он был жертвой, а наказание заслужили только лидеры» [2, с. 369]. Неоднократно отмечался тот факт, что он был недалеким человеком, у которого отсутствовала как нравственная, так и умственная глубина, он был лишен индивидуальности и был неспособен мыслить, единственным его стремлением было продвижение по карьерной лестнице. Несомненно, тот факт, что один из самых страшных преступников человечества оказался не сумасшедшим кровожадным монстром, а невероятно незначительным, безликим и обычным честолюбивым карьеристом, поражает и ужасает. Помимо этого, также бросалась в глаза его неспособность формулировать собственные суждения. «Чем больше его слушали, тем очевиднее становилось, что его неспособность говорить тесно связана с его неспособностью мыслить, то есть мыслить с позиции другой личности. Было невозможно общаться с ним не потому, что он лгал, а потому, что был защищен надежной самозащитой против слов и

присутствия других, а значит против самой реальности» [3, с. 323]. Соответственно, подобная неспособность мыслить с позиции иного человека, нерелексивность, влекущая за собой и отсутствие ответственности за совершенные поступки, оказывается гораздо более разрушительной силой, нежели чем низкие инстинкты человека, какими бы они ни были жестокими.

Связано это прежде всего с тем, что нацистский режим привел к подмене и искажению моральных понятий. Зло перестало являться таковым для большинства граждан, лишенных индивидуальности и привыкших следовать заданным моральным нормам. Помимо этого, и закон стал считаться чем-то внешним и принудительным (волей фюрера), свободное мышление исчезло, произошел сдвиг от власти к насилию и террору. Разумеется, в конце – концов, люди оказались просто не способными осознать факт нравственного упадка и того, что беззаконие стало гражданской нормой.

Отсюда вытекает вопрос – можно ли судить Эйхмана за действия, которые он совершал, чтобы не нарушать существующий закон, и в правильности которых он был убежден? В какой степени он несет за них ответственность? Сам Эйхман даже настаивал, что следовал моральной философии Канта: его поступки соответствуют кантовскому понятию о долге. Это еще раз доказывает тот факт, что он ни в коем разе не считал себя виновным. Все его действия не противоречат ни законам, которым он подчинялся, ни его собственным моральным убеждениям, которые он и связывал с моральной философией Канта. Разумеется, его понятия были далеки от воззрений немецкого философа, «в этом расхожем употреблении от кантовского духа осталось лишь требование, что человек должен не просто подчиняться закону, что он должен пойти дальше и идентифицировать свою волю со стоящей за законом моральной нормой – источником самого закона. В философии Канта таким источником был практический разум, в расхожем употреблении Эйхмана им была воля фюрера» [2, с. 205–206].

Но в любом случае его действия были санкционированы обществом, в котором он проживал, так можно ли требовать от него признания собственной вины?

Для ответа на данный вопрос необходимо затронуть и вопрос, касающийся степени ответственности еврейского народа. Обвинение евреев, жертв фашистского режима, на первый взгляд кажется абсурдным, однако, для возможности подобного террора в рамках тоталитарного режима необходима была поддержка большинства, иначе стабильность данного режима будет просто невозможна.

В большинстве своем люди представляли собой полностью обезличенную и пассивную толпу, что и способствовало распространению повсеместной практики террора: «Именно масса, аморфная, индифферентная, лишенная корней, послужила питательной средой для установления тоталитарного господства. Масса, которая характеризуется полным распадом всех связей: профессиональных, социальных, семейных, классовых» [4, с. 82]. К подобному обществу массы, лишенному индивидуальности и не способному критически воспринимать действительность, привела социальная атомизация: «устранение классовых различий автоматически влекло за собой и реструктуризацию политических партий и организаций в тотальную массу возмущенных индивидуумов, которые не имели между собой ничего общего кроме презрения к старым представителям политических элит» [3, с. 311].

Однако покорность, с которой люди воспринимали обрушившиеся на них беды, еще не самое ужасающее. Арендт указывает на сотрудничество еврейских лидеров с фашистами, вот что действительно привело к катастрофе такого масштаба: «... он [Эйхман] не предполагал, что евреи разделят общий энтузиазм по поводу собственного уничтожения, но он и не ждал ничего кроме покорности, он ждал от них – и получил, в степени, даже превзошедшей его ожидания, – сотрудничества» [2, с. 176].

Арендт говорит об ответственности, которая лежит на еврейских лидерах, которые, разумеется косвенно, сами того не осознавая, но все же способствовали чудовищным событиям: «Где бы ни жили евреи, у них были свои признанные лидеры, и почти все из них – за малым исключением – тем или иным образом, по той или иной причине сотрудничали с нацистами. Всей правдой было то, что, если бы еврейский народ действительно был не организован и у него не было бы вожаков, тогда воцарился бы хаос, и было бы множество великое страданий, но общее число жертв вряд ли бы тогда составило от четырех с половиной до

шести миллионов» [2, с. 178]. Составление юденратами детальных списков на депортацию, деятельность еврейской полиции, нежелание принять действительность и слепая надежда на то, что их покорное следование приказам нацистов обезопасит их, привели к ужасающим последствиям. Разумеется, Арендт не говорит о необходимости их открытого бунта, она понимает его невозможность в тех условиях, однако, она была убеждена в необходимости отказа от сотрудничества с нацистами со стороны еврейских старейшин, что привело бы к значительному усложнению деятельности фашистов на оккупированных территориях и, как следствие, к уменьшению жертв. Помимо этого, сознание лидеров еврейских общин было бы свободно от пособничества, в ходе которого нацистам отводилась лишь роль наблюдателей, уничтожению миллионов людей.

Таким образом, если говорить о конкретных исторических событиях, разбору которых Арендт уделяет такое большое внимание в собственных работах, мы видим, что перед судом ответственности могут предстать не только очевидные виновные – фашистские преступники, но и их жертвы, еврейские лидеры, которые оказались не только неспособными хоть в небольшой степени, но все же предотвратить масштабы этой катастрофы, но и оказались невольными соучастниками.

Личная ответственность отдельного человека была противопоставлена ответственности политической, подразумевающей ответственность правительства за деятельность предшественников и являющейся сугубо коллективной. Через призму этого разделения Арендт предлагала разобраться в ситуации ответственности человека при тоталитарном режиме. Она полагала, что в данном случае совершенно неправильным будет перекладывать ответственность с человека на систему, однако и полностью исключать влияние системы также нельзя, ведь господство тоталитарного режима распространяется абсолютно на все сферы жизни в обществе – от людей требуется полная поддержка действий власти и режима в целом. «Тоталитарное общество, которое следует отличать от тоталитарного правительства, полностью монолитно; все публичные выступления, будь то культурные, художественные или научные, и все организации, бытовые и социальные институты, даже спорт и досуг, «координируются». Нет ни одной хоть сколько-нибудь общественно значимой должности, ни одной профессии, от рекламы до юриспруденции,

от театра до спортивной журналистики, от преподавания в начальной и средней школе до науки и университетской профессуры, от представителей которой не требовалось бы безоговорочной поддержки принятых принципов управления. Любой, кто участвует в публичной жизни, независимо от того, принадлежит ли он к партии или к правящей элите, так или иначе, вовлечен во все деяния режима в целом» [1, с. 65–66]. Соответственно, только исключительно полное устранение от публичной жизни и отказ от какой-либо политической ответственности могли бы способствовать непричастности к преступлениям.

Тот факт, что человек становится винтиком в существующей системе, в этом огромном механизме, где, в действительности, все решения принимает один человек (в нацистской Германии таким человеком был Гитлер), не означает, что он не может нести личную ответственность. Будучи вменяемым существом, человек обязан нести личную ответственность – устранить это невозможно, без этого невозможен и сам человек. Но он не выбирает обстоятельства, в которых ему приходится действовать, он не выбирает условий, складывающихся без его участия, ответственен ли он за дела, которые он не совершал, за дела других людей? Ханна Арендт полагает, что да. Так же, как каждое правительство несет ответственность за дела его предшественников, каждый народ ответственен за свое прошлое – это и называется коллективной ответственностью.

В противовес личной ответственности, имеющей в большей степени моральный характер, коллективная ответственность связана, прежде всего, с проблемами, имеющими политический характер. Арендт обозначает её следующим образом: «каждое правительство несет [ответственность] за все решения своих предшественников, а каждый народ – за свершения и прегрешения прошлого» [1, с. 58].

Именно ввиду того, что человек существует в обществе и постоянно взаимодействует с другими людьми, он несет опосредованную коллективную ответственность, за то, чего не совершал. «... никакие моральные – индивидуальные и личностные – нормы никогда не снимут с нас коллективную ответственность» [1, с. 217]. Избавление от политической или коллективной ответственности возможно лишь с полной изоляцией от общества.

Однако, здесь стоит отметить, что чувство подобной ответственности не должно порождать вину за несовершенные вещи, что и будет показано в дальнейшем.

Помимо Эйхмана, личность которого уже была рассмотрена, примером личной ответственности в тоталитарной системе может служить еще один нацистский преступник – Генрих Гиммлер. Так же, как и Эйхман, он был совершенно обычным человеком, не фанатиком, а обывателем и добропорядочным отцом семейства. Если единственной целью Эйхмана было продвижение по карьерной лестнице, то Гиммлер «был вполне готов поступиться убеждениями, честью и человеческим достоинством ради пенсии, страховки и обеспеченной жизни жены и детей» [5, с. 51]. Именно на семьянинах, добропорядочных и нормальных людях и строилась всеохватывающая организация Гиммлера. Ответственный член общества становится обывателем, озабоченным исключительно личным существованием и ощущающим ответственность исключительно перед собственной семьей. И тот факт, что Германия после Первой мировой войны находилась в глубоком кризисе, а уровень безработицы довел людей до отчаяния показывает, что «... в экстремальных ситуациях люди часто ведут себя хуже зверей. Поэтому если говорить об ответственности, то главный принцип философии ответственности можно сформулировать так: всеми возможными способами следует избегать или препятствовать созданию чрезвычайных ситуаций» [6, с. 44].

В свою очередь мы видим, что Арендт не исключает роль отдельного индивида в происходящих событиях, насколько тоталитарен не был бы режим. Каждый человек обладает собственной волей, разумом и способностью мыслить. К сожалению, для многих людей нацистский порядок, узаконивавший убийство, стал выше собственной совести. Однако, это ни в коем разе не снимает с них ответственности.

Исходя даже исключительно из судебного процесса над Эйхманом, можно сделать вывод, что в той или иной степени ответственными могут быть признаны абсолютно все. В более широком смысле ответственными могут быть названы даже те, кто по собственному неведению, не пониманию с чем именно имеют дело, симпатизировали Гитлеру и содействовали его приходу к власти.

Подобному выводу способствовал и тот факт, что политическая стратегия нацизма заключалась не столько в простой пропаганде, сколько в стремлении к исключению различий между нацистами и немецким народом. Деятельность нацистов была направлена на слияние всех немцев, и акцент делался на том, что «немецкие антифашисты будут в той же мере задеты поражением, как и немецкие фашисты» [5, с. 39], и «что немецкий народ существует, лишь когда пребывает во власти ныне правящих» [5, с. 43]. Фигура тоталитарного вождя, отождествлявшего себя с подчиненными, только усиливала этот эффект. «Вождь без масс – ничто, фикция. Гитлер полностью сознавал эту взаимосвязь и выразил её однажды в речи, обращенной к штурмовым отрядам: «Всё, что вы есть, вы есть со мною. Все, что я есть, я есть только с вами» [7, с. 432].

Данная политика привела к тому, что грань между «виновными» и «невиновными» была стерта, целый народ оказался превращенным в обслуживающий персонал для машин массового убийства. Путем усиленного террора нацистам удалось добиться того, что людей с подтвержденным антифашистским прошлым практически не осталось.

Эти реальные политические обстоятельства, в ходе которых «тотальная мобилизация закончилась тотальным сообщничеством немецкого народа» [5, с. 40] привели к возникновению чувства всеобщей вины после поражения нацистской Германии во Второй мировой войне. Широкое распространение получили покаянные речи, согласно которым все немцы были виновны. «Уже много лет мне встречаются немцы, которые признаются, что им стыдно быть немцами. И всякий раз я испытываю соблазн ответить им, что мне стыдно быть человеком» [5, с. 54].

Помысли Арендт подобное, на первый взгляд подкупающее своей искренностью, раскаяние может играть на руку только действительным виновникам этой исторической трагедии. Ведь смешение понятий «вина» и «ответственность», поголовное признание всех собственной вины приводит к возникновению вопроса: «Кто я такой, чтобы судить других?» В подобном случае не остается тех, кто может судить, как следствие этого исчезает даже некая видимость ответственности. «Пока кара есть удел преступника – а на этом положении уже более двух тысяч лет зиждется чувство справедливости и правосознание западного человечества, –

непременной частью вины является сознание своей виновности, а неотъемлемой частью кары – убежденность в способности человека нести ответственность» [5, с. 48].

Именно поэтому во многих работах Арендт повторяет, что «там, где виноваты все, не виновен никто; признания в коллективной вине – это лучшая гарантия против обнаружения настоящих виновных, а сам масштаб преступления – лучшее оправдание для бездействия» [8, с. 75].

Вина, в отличие от ответственности, может быть только индивидуальной, чувство вины остается справедливым только по отношению к области личной ответственности, в области же коллективной ему места нет. «Вина и невиновность имеют смысл только в отношении отдельной личности» [1, с. 60].

Недопустимость коллективной вины немецкого народа при тоталитарном режиме является не единственным историческим примером. Арендт затрагивает ситуацию, связанную с другим ужасным историческим феноменом уже в демократической Америке – рабством. Как и немцы, чувствующие вину за преступления нацистского режима, среди белых либералов распространенным стали высказывания о всеобщности вины. Понимая все лицемерие подобных высказываний, которые приводят только к большей ожесточенности многовекового конфликта между населением различных рас, Арендт в очередной раз подчеркивает недопустимость коллективной вины.

«Реальный раскол между черными и белыми нельзя устранить, переведя его в еще менее разрешимый конфликт между коллективной невиновностью и коллективной виной. Тезис «все белые люди виновны» – это не только опасная чепуха, но и расизм наизнанку, и он весьма эффективно служит тому, чтобы вполне реальные жалобы и вполне рациональные эмоции негритянского населения перенаправить в сторону иррациональности, к бегству от реальности» [8, с. 75].

Таким образом, стоит еще раз отметить тот факт, что ответственность немцев за действия, совершенные при тоталитарном режиме фашистскими властями не приводит к экстраполяции вины на весь немецкий народ. Ведь «последовательное применение принципа коллективной вины приводит к тому, что мы вообще не можем назвать ни одного виновного» [1, с. 51].

Если вина предполагает возмездие за совершенное, необходимость этого разграничения становится очевидной. Да, послевоенная Германия, конечно, несет ответственность за историческую роль Третьего Рейха, да, каждый из немцев несет личную ответственность за свою роль в этом деле, но понятие вины, может быть четко установлено, а значит и виновные могут понести наказание.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

- 1. Арндт Х.** Ответственность и суждение. М.: Издательство Института Гайдара, 2013.
- 2. Арндт Х.** Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме. / Пер. с англ. С. Кастальского и Н. Рудницкой; послесл. Зуроффа Э. – М.: Европа, 2008.
- 3. Малышев М.А.** Концепция тоталитаризма в творчестве Ханны Арндт // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. – Екатеринбург, 2010. – 2010. Вып. 10. – С. 297–328.
- 4. Косич И.В., Мишкинене Ю.Б.** Ханна Арндт. Философия и политика // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 1991. № 6. С. 79–92.
- 5. Арндт Х.** Скрытая традиция: Эссе / Пер. с нем. и англ. Т. Набатниковой, А. Шибаровой, Н. Мовниной. – М.: Текст, 2008.
- 6.** Правовое государство и ответственность личности: Коллективная монография / Под ред. С. И. Дудника, И. Д. Осипова. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2011.
- 7. Арндт Х.** Истоки тоталитаризма / Пер. с англ. Борисовой И. В. и др.; послесл. Давыдова Ю. Н.; под ред. Ковалевой М. С., Носова Д. М. – М.: ЦентрКом, 1996.
- 8. Арндт Х.** О насилии / Пер. с англ. Г.М. Дашевского. М.: Новое издательство, 2014.